

руссоистской теории народного суверенитета. Княжнин своеобразно сталкивает две «правды», две обозначенные идеологические концепции: искренний восторг перед республиканскими добродетелями Вадима, которому он, несомненно, сочувствует, и столь же искреннюю, сколь и незабываемую для него, веру в идею просвещенной монархии.

В сущности, пьеса Княжнина являлась скрытой формой выражения идей аристократической оппозиции екатерининскому абсолютизму, к которой можно отнести братьев Паниных, князя М. М. Щербатова и отчасти даже княгиню Е. Р. Дашкову. Княжнин в своей трагедии исходит из идеи, подсказанной историографической традицией, оформившейся на исходе XVIII в. и предвосхищавшей идею романтической эстетики декабристов. Это идея исконности вольнолюбия как отличительной черты нравственного духа древних славян, далеких предков россиян. Но Княжнин остается сыном своей эпохи и совмещает эту идею с признанием неизбежности монархии как гаранта государственной стабильности и гражданского согласия в стране. Трагическая несовместимость этих идей и воплощена в конфликте, питающем драматическую коллизию «Вадима Новгородского». Вновь проблема нравственного выбора апробировалась опытом истории, и вновь осознание в рамках драматического сюжета поворотного для судеб нации этапа древней истории (крушение вольности древнего Новгорода) заставляло вспомнить время Петра I.¹⁸ Однако своеобразная непоследовательность Княжнина-драматурга ограничивает воплощение историсофских аспектов разрабатываемого им исторического сюжета. Время художественного историзма еще в XVIII в. не пришло.

¹⁸ Примечательны в этом отношении резкие нападки на политику Петра I со стороны княгини Е. Р. Дашковой, высказанные ею в 1781 г. в ходе беседы с князем Кауницем в Вене, где княгиня Дашкова обвинила Петра в уничтожении «бесценного самобытного характера наших предков» (*Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 172*).